

Зарубина Н. Н.

МЕЖДУ ЭТИКОЙ УБЕЖДЕНИЯ И ЭТИКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИИ НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Зарубина Наталья Николаевна —
доктор философских наук, профессор кафедры
социологии МГИМО (У) МИД России

E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Тел.: +7 (916) 158 31 23

Аннотация. Исследуются трансформации морали в современном обществе на основе сопоставления этических систем, основанных на убеждениях, служении и ответственности. Этическая позиция российской молодёжи характеризуется неразвитостью ответственности на фоне утраты убеждений.

Ключевые слова: этика убеждения, этика ответственности, социальные трансформации, молодёжь.

Усложнение общества и сопровождающие его трансформации ценностных ориентаций и нравственных принципов представляют серьёзный вызов для современной России. По данным социологических опросов, граждане России ощущают и тяжело переживают ухудшение морального климата в обществе: «Падение морали расценивается сегодня населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за годы реформ: в «рейтинге потерь» эта позиция занимает второе-третье место, её отметили 32% респондентов» [Двадцать лет реформ..., 2011: 215]. Падение морали рассматривается россиянами как своего рода негативный вектор, определяющий направление развития нашего общества. Он связывается с отказом от убеждений и ценностей, принимавшихся на протяжении длительного периода истории страны. Что приходит на место уходящих нравственных норм и стандартов поведения? Какие изменения претерпевает нравственное сознание российской молодёжи, являющейся важнейшим человеческим ресурсом будущего развития?

Трансформации нравственности в обществе модерна: от этики убеждения к этике ответственности

Для конструктивного решения проблем моральной регуляции необходимо рассмотреть историю и социокультурный контекст их возникновения. Причины следует искать в переходном состоянии российского общества, обусловленном не только социально-экономическими реформами и модернизацией последних двух десятилетий, но и *непреднамеренными трансформациями в контексте тенденций мирового социального развития*, становлении в глобальном масштабе *сложного социума* и мирового общества риска, с присущими им радикальными изменениями в сферах культуры и морали. Влияние усложнения социума на изменение моральных ориентиров и сущности моральной регуляции требует от исследователей, по выражению С. А. Кравченко, «переоткрытия морали» [Кравченко, 2012: 150].

Трансформации морали в процессе модернизации давно стали предметом анализа социологов. Модель с большим эвристическим потенциалом предложил ещё М. Вебер, который выделил два различных «идеальных типа» этики, с которыми может соотноситься культурно-нравственная позиция личностей и социальных групп: *этику убеждения/служения* и *этику ответственности/успеха* [Вебер, 1990; Давыдов, 2006].

Этика убеждения основывается на вере в безусловный авторитет нравственных и духовных ценностей, предписывает следование изначально чётко и однозначно заданным моральным стандартам. Такая система соблюдения нравственных норм преобладала в традиционных обществах с преимущественно религиозным сознанием, а также в идеологизированных обществах, она присуща убеждённым и ангажированным людям. Представляется, что к этике долга близка *этика служения*, предполагающая наличие у индивида или группы ряда *обязанностей*, выполнение которых воспринимается в качестве нравственного долга и условия полноценного членства в обществе. Нравственная позиция, основанная на этике служения, предполагает, таким образом, осознание индивидом и группой своего места и своих функций в социальной системе и неукоснительное выполнение этих функций, рассматриваемых как особая миссия, как *долг* перед обществом [Зарубина, 2004].

Этика ответственности/успеха сложилась в обществе модерна в условиях свободы совести и культурного плюрализма. Она предполагает способность индивида самостоятельно выбирать и формулировать цели и средства их достижения и оценивать результаты по критериям успешности, а также давать им моральную оценку, исходя из собственных интерпретаций абстрактных представлений о добре и зле. Социальная ответственность предполагает выбор целей и средств их эффективного достижения таким

образом, чтобы результаты деятельности служили удовлетворению потребностей общества или хотя бы не противоречили общественным интересам.

Переход от этики служения к этике ответственности происходит не как радикальная замена одного этического стандарта другим, а путём постепенного формирования соответствующей культуры. Согласно концепции М. Вебера и его последователей, большое значение в формировании этики ответственности на Западе сыграла Реформация. Вебер отмечает, что в протестантизме происходит отказ от раннехристианской «этики братской любви» и этически регулируемых отношений практически во всех сферах деятельности, что создаёт предпосылки для перехода от ценностной рациональности великих мировых религий к целерациональности современного буржуазного общества [Вебер, 1990: 315].

Ответственность становится основным этическим принципом в обществах, интегрированных посредством формального права и рыночной экономики, она лежит в основе формирования сложных социальных институтов, предполагающих деперсонифицированные «дальние» отношения и слабые социальные связи. В то же время, этика ответственности предполагает высокий уровень самосознания личности, способность к рефлексии и самооценке, к мотивированному выбору поведенческой стратегии на основе баланса личных и общественных интересов.

Рост сложности, самоорганизации и рефлексивности современных социальных институтов на фоне уже утвердившегося приоритета неиерархических горизонтальных сетевых социальных связей востребует, наряду с такими «мягкими» (П. Штомпка) свойствами отношений между людьми, как доверие, солидарность и лояльность, также и развития этики ответственности. Однако в условиях увеличивающейся скорости социальных трансформаций её усвоение обществом отстаёт от объективной потребности в нём. Во многих обществах вторичной догоняющей модернизации, в том числе в России, происходит быстрый распад традиционных систем ценностей и этических стандартов убеждения и служения, но этика ответственности не успевает утвердиться в сознании большинства. Состояние нравственной аномии проявляется в том, что прежние убеждения и представления о долге утрачивают прежнюю значимость, в то время как социальная ответственность, равно как и ответственность за собственную жизнь, не становится нормой.

С усвоением нравственных стандартов этики ответственности связаны многие важнейшие аспекты современного развития России. Чаще всего о ней говорят в контексте гражданской ответственности или становления социально ответственного предпринимательства. Но при этом необходимо учитывать, что развитие социальной ответственности в отдельных сферах жизни общества невозможно без утверждения её в качестве приоритетной нравственной позиции в обществе в целом [Зарубина, 2011]. В связи с этим серьёзную социокультурную проблему представляет нравственный облик современной российской молодёжи, являющейся главным человеческим ресурсом будущего развития страны. Федеральная целевая программа «Молодёжь России» на 2011-2015 гг. отмечает пассивность и инфантилизм молодого поколения, нежелание и неумение принимать активное участие в судьбе своей страны, «низкий уровень вовлечённости молодёжи в социальную практику». В ФЦП отмечается, что в настоящий момент доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее 7% от общей численности молодёжи.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что в культурно-нравственной позиции молодёжи современной России слабо развита *этика социальной ответственности* как ориентация на целенаправленную деятельность, имеющую социально значимый смысл, результаты которой рассматриваются в качестве личного вклада в развитие общества. Безответственность молодых людей имеет и повседневные проявления, состоящие в отсутствии готовности планировать собственную жизненную траекторию, проявлять активную заботу о близких, в желании жить «одним днём», в противопоставлении личного и общественного, в стремлении к гедонистическому образу жизни, к неоправданным рискам и т. д. Все эти проблемы свидетельствуют о росте пассивного и даже деструктивного индивидуализма, весьма осложняющего повседневную жизнь российского общества и ставшего препятствием в его развитии.

«Структурированная безответственность» как проявление институциональных и ценностно-нормативных трансформаций современного общества

Институциональные и структурные трансформации общества модерна в XX в. привели к тому, что подрастающие поколения заняли социокультурную позицию, названную Т. Парсонсом «структурированной безответственностью». Молодёжь в современном обществе оказывается помещённой

в структурную нишу, формируемую институтами социализации, которая даёт возможность свободно предаваться поиску своего места в обществе, не задумываясь о возможных последствиях и не осознавая эти последствия как реальные факты, с которыми придётся иметь дело в будущем. Поступки, которые кажутся доказательством самостоятельности и независимости действий и суждений, на самом деле нередко имеют опасные, деструктивные для них самих и для общества последствия. Сознание и поведение молодых людей можно адекватно описать с помощью «парадокса Гидденса», суть которого состоит в том, что «люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнестись к будущему, с каким они относятся к настоящему» [Кравченко, 2013: 130].

Институты социализации, такие, как школа, вуз и др. способствуют отрыву молодого поколения от семьи, но при этом оставляют большое пространство досуга, свободного времени, не отягощённого самостоятельной хозяйственной и общественной деятельностью, а зачастую и необходимостью заботиться о самообеспечении. Парадокс состоит в том, что именно функциональная специализация и развитие институтов образования и воспитания приводит к обособлению молодых людей в субкультурных нишах, препятствующих их активному вовлечению во «взрослую» жизнь, способствует *инфантилизации* молодёжи, нежелания взрослеть, то есть принимать на себя всю полноту ответственности за собственные действия, планировать и прогнозировать их результаты, которые затем необходимо принимать в качестве предпосылок дальнейших действий. Социолог Н. Зоркая считает, что рост инфантильности современной российской молодёжи обуславливает и возникшее в годы реформ отчуждение от повседневных проблем старших поколений, в том числе и в семье. Молодые люди самоустраниются от решения проблем быта, материального обеспечения, создания условий семейного комфорта и порядка, продолжая в то же время находиться под опекой родителей. Трудовая деятельность, которую многие молодые люди сегодня начинают раньше, чем их родители, совмещая учёбу с работой, как это ни парадоксально, мало способствует росту их ответственности. Зачастую она нацелена, главным образом, на обретение независимости от семейного бюджета, а заработки представляют собой, по существу, «карманные деньги», предназначенные для собственного потребления и развлечений, а не вклад в «общую семейную кассу» [Зоркая, 2008: 17-19].

Кроме того, в современном обществе дистанцирование от семьи и наличие большого количества свободного времени, а иногда – и свободных денег, сочетается с доступностью развитой досуговой инфраструктуры, индустрии развлечений и массовой культуры, ориентированных на молодёжь как целевую аудиторию, самостоятельного потребителя. При этом производители продукции индустрии развлечений и массовой культуры, как правило, учитывают вкусы и запросы молодёжи, но *не предполагают или сводят к минимуму воспитательные функции* этих институтов. Рекламный слоган «Себе в удовольствии не откажешь!» стал в последнее время одним из наиболее ярких вербальных символов, выражающих суть ценностных ориентаций значительной части молодёжи.

Социализация молодёжи и транзикация как переход от безответственности и зависимости детства к самостоятельному социальному статусу всегда протекает в конкретных исторических обстоятельствах и её формы несут на себе отпечаток социокультурных особенностей того или иного общества. В современном обществе особенности транзикации обусловлены его *сложностью, рефлексивностью и нелинейной динамикой*, изменением роли и места социальных структур и институтов в процессе социализации, трансформацией ценностных ориентаций и нравственных стандартов. Прежде всего, это тенденции к выходу за рамки культуры модерна, которые обнаружили экономически развитые общества на рубеже XX-XXI вв. Новое состояние культуры, получившее название «постмодернистской», «рефлексивного модерна», «радикального модерна», по мнению З. Баумана и других учёных, характеризуется распадом универсальной «арочной морали», ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. Так, З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречён жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка [Bauman, 1995]. Этика убеждения, предполагающая безусловную веру в незыблемые ценности, или этика служения, основанная на следовании долгу перед обществом, уходят в прошлое и не могут более служить достаточным основанием для принятия нравственных решений, поскольку все ценностные и социальные иерархии стали относительными.

Состояние нравственности современной российской молодёжи подтверждает выводы социологов о релятивизации современных ценностей. Молодое поколение россиян гораздо терпимее и снисходительнее относится к нарушению норм морали, чем старшие поколения. Социологические опросы, проведённые учёными Института социологии РАН, показывают, что российская молодёжь считает, что «иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы для того чтобы добиться успеха в жиз-

ни, поскольку современный мир жесток» (59% в возрасте 18-25 и 52% – 26-35 лет). При этом для старшего поколения, воспитанного в советский период, типично (63%) противоположное суждение: «лучше не добиться успеха в жизни, но не переступить через свои моральные нормы и принципы» [Двадцать лет реформ..., 2011: 272]. Самой *приемлемой* из аморальных практик для современных россиян, в том числе и молодых, является практика сознательного обмана кого-то для достижения своих целей. При этом в среде молодых россиян её противниками являются лишь чуть более трети (38-39% среди молодёжи и 56% среди представителей старшего поколения), а прибегали к ней – 41-45% молодёжи (27% россиян старше 35 лет) [Двадцать лет реформ..., 2011, 272].

Эта особенность культурно-нравственной позиции молодёжи не может не вызывать тревогу. В то же время, такое «вольное» обращение с моральными нормами может являться не только результатом проблем социализации молодого поколения в России, но и тем, что сложность российского социума постоянно возрастает и в условиях глобализации объективно порождает плюрализацию и релятивизацию моральных ценностей и норм, стандартов повседневного поведения. Это осложняет выбор жизненной стратегии и лишает возможности применять однозначные критерии их успешности и эффективности на индивидуальном уровне, а на уровне общества — оценить успешность и эффективность социализации молодого поколения.

В соответствии с нормами этики ответственности, *на самого индивида ложится ответственность за принимаемые решения нравственного характера*. Как отмечает английский социолог Э. Гидденс, в сложном современном обществе независимость от внешних факторов социокультурной регуляции заменяется зависимостью от собственных решений [Гидденс, 2004: 62-63]. Поэтому именно теперь сформированная у индивида культурно-нравственная позиция приобретает особое значение. Она должна отличаться рефлексивностью и динамизмом, способностью к самотворению и самоорганизации на основе постоянного отслеживания меняющейся социальной реальности в условиях отсутствия универсальных жизненных ориентиров, безусловных образцов для подражания. Однако такая позиция требует высокой личностной зрелости, способности к самооценке, к выбору в условиях неопределённости и риска, то есть развитой этики ответственности. Социальные и моральные проблемы современных обществ свидетельствуют о том, что *готовность индивидов*

действовать в условиях растущей сложности и неопределённости отстаёт от социального запроса на подобную готовность. Особенно ярко данная проблема проявляется в среде молодёжи, которая, в силу отсутствия собственной устойчивой социальной позиции и жизненного опыта, нередко объективно не в состоянии принять на себя ответственность за собственные решения и действия.

3. Бауман в работах последних лет показывает, что для сложных социумов в конце первого десятилетия XXI в. характерны трансформации в направлении «текучести», т. е. краткосрочности, подвижности всех социальных связей. При этом ответственность также становится всё более инструментальной и краткосрочной, не предполагающей длительные и устойчивые обязательства как в личных, так и в социальных отношениях [Бауман, 2008]. Современный молодой человек тяготеет к необременительным связям при минимальной ответственности, например, предпочитает высокооплачиваемую работу по контракту стабильному положению и социальным гарантиям при постоянной занятости [Омельченко, 2009: 19].

Состояние неопределённости, имманентное современному сложному социуму, влечёт за собой состояние хронической аномии как ценностно-нормативного вакуума, возникающего вследствие утраты оснований для выбора адекватных ценностно-нормативных стандартов социальных действий в условиях плюрализма ценностей. Для культурно-нравственной позиции современной молодёжи это означает невозможность полагаться на традиционные ценности и нормы как надёжные, заслуживающие доверия ориентиры для выбора собственной жизненной стратегии. Образцы, представляемые старшими поколениями, для современной молодёжи уже не могут служить однозначными ориентирами в принятии решений по принципиальным вопросам. Например, если ещё несколько десятилетий назад выбор профессии практически всегда означал закрепление социального статуса и определённой жизненной траектории, то в современных экономически развитых обществах, по данным социологов, квалифицированный специалист меняет профессию около десяти раз на протяжении карьеры в зависимости от изменений экономических и иных обстоятельств. Сами же полученные в процессе обучения знания и навыки устаревают в течение, в среднем, пяти лет, поэтому полученное образование и квалификация не могут служить гарантией профессионализма и надёжного трудоустройства.

Современный молодой человек постоянно находится в условиях *риска как ситуации с неопределённостью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности* [Кравченко, 2009: 39]. Специфика риска состоит в том, что он требует от индивида принятия решения, от которого зависит наступление благоприятных или неблагоприятных, неблагоприятных последствий в будущем. Особенность молодёжи состоит в присутствии ей

стремлении к обретению самостоятельности и независимости от старших, которое нередко оказывается столь сильным, что способно нивелировать чувство риска [Зубок, 2003: 151, 154.]. Транзиция практически всегда предполагает этап активного неприятия ценностей и норм «взрослого» общества, «бунтарства». Это делает молодых людей особенно восприимчивыми к эпатажным, радикальным, экстремистским взглядам и формам поведения, последствия которых молодые люди нередко просто не в состоянии предвидеть и, тем более, рационально просчитать. Выбор в условиях риска предполагает несение ответственности за последствия, однако именно эта ответственность и дается молодёжи труднее всего. Одним из проявлений безответственности является повышенная склонность молодых людей к неоправданному риску и недооценке возможностей негативных последствий на фоне перспектив обретения сиюминутных преимуществ — удовольствия, выгоды, высокой оценки со стороны окружающих. Этим обусловлена любовь молодёжи к экстремальным развлечениям, опасным формам времяпрепровождения.

Проблемы формирования этики ответственности в культурно-нравственной позиции молодёжи в современной России

Помимо описанных выше общемировых тенденций социокультурного развития, трансформирующих этику ответственности в культурно-нравственной позиции современной молодёжи, существует *целый ряд специфически российских тенденций*. Они обусловлены длящимися более двадцати лет реформами, переходным состоянием общества, а также особенностями историко-культурного развития России.

Прежде всего, к ним следует отнести отсутствие чётко сформулированных целей реформирования и модернизации российского общества, отказ от целенаправленного формирования и поддержания общезначимых ценностей на фоне отрицания не только коммунистической идеологии, но и нравственных основ советской культуры. В современной России отсутствуют общепринятые социокультурные, в том числе и моральные критерии, согласно которым можно было бы оценивать успешность и завершённость процесса социализации молодёжи. Исследователи полагают, что

в качестве подобных критериев должно рассматриваться достижение молодым поколением социальной зрелости, т. е. в приобретении молодыми людьми собственного социального статуса, их идентификации с различными структурами. При этом имеет принципиальное значение способность молодого поколения к функциональному и продуктивному участию в общественном производстве, культурном творчестве, инновационной деятельности [Зубок, 2003: 32].

К сожалению, нынешняя молодёжная политика Российской Федерации не опирается на чёткие представления о месте молодёжи в обществе и не даёт ей устойчивых ориентиров относительно её социальных ролей и социальной ответственности. Вместо активного вовлечения молодых людей в реальную социальную, культурную, политическую жизнь на разных уровнях — от локального до общероссийского и международного, она зачастую ограничивается организацией молодёжного досуга. В этом плане молодёжная политика Российской Федерации принципиально отличается от молодёжной политики СССР. Тогда через политизированные молодёжные организации — ВЛКСМ, пионерскую организацию — молодёжь активно вовлекалась в разнообразные социальные практики, воспринимала возложенную на неё ответственность за будущее страны (характерный лозунг того времени «Коммунизм — это молодость мира, И его возводить молодым!»). Молодому поколению прививались *этические принципы исполнения долга и служения своей Родине*.

По данным социологов, у граждан современной России, в том числе и молодёжи, отмечается утрата ощущения сопричастности происходящему, чувства идентификации со своей страной, её культурой и историей, что порождает нежелание принимать на себя ответственность за происходящее. Данные социологов свидетельствуют о том, что для некоторой части российских граждан — около 20%, а это миллионы человек (!), характерна отчуждённость от условий собственной жизни, которая представляется им управляемой какими-то внешними силами, в которой они ощущают себя лишь «игрушкой в руках судьбы» [Двадцать лет реформ..., 2011: 63]. Таким образом, в отношении экономического развития, политических решений, социальных отношений, курса модернизации и т. д. почти пятая часть населения современной России ощущает себя не активными их участниками, а пассивными зрителями, мимо которых проходит формирование условий и предпосылок их собственной жизни. Состояние отчуждения порождает апатию и безответственность, отказ от экономической и социально-политической активности, замыкание в частных интересах.

При этом нельзя сказать, что российская молодёжь совершенно пассивна. Молодые респонденты декларируют большой индивидуализм и активную жизненную позицию, нежели представители старших поколений, а так-

же готовность к переменам. Молодёжь, в особенности младших возрастных когорт, выражает наибольшее согласие с необходимостью активно отстаивать свои права, бороться за своё счастье и создавать его своими руками («человек сам кузнец своего счастья»), а также выражает желание «быть яркой индивидуальностью», проявлять инициативу и готовность рисковать [Даффлон, 2008: 267, 268-269]. Проблема состоит в том, что отмеченная социологами активная жизненная позиция молодёжи проявляется, главным образом, в отношении *личного успеха, благосостояния, отстаивания личных прав и интересов*. Признание значимости инициативы и активности не распространяется на желание служить обществу, своей стране, т. е. на социально ответственную позицию. Максимум, на что распространяется готовность нести индивидуальную ответственность – это ближайшее окружение, семья, друзья, коллеги [Зоркая, 2007: 41]. На первом месте среди проблем, волнующих современную российскую молодёжь, все-таки не общественно-значимые, а личные, связанные, в первую очередь, с собственным будущим, карьерой, доходами, условиями жизни и т. д. [Темницкий, 2009: 19]. При этом исследования, проведённые Н. Зоркой среди городской молодёжи, показали, что готовность защищать свои права также является в большой степени декларативной: 44% опрошенных молодых людей в случае серьёзных нарушений их трудовых прав предпочтут просто перейти на другую работу, примерно каждый десятый ничего не станет предпринимать, 14% затруднились ответить. На активные действия готовы пойти 30% опрошенных молодых людей, а среди работающей молодёжи таких оказывается только 23% [Зоркая, 2008: 20].

Всё это свидетельствует о том, что в культурно-нравственных установках современной молодёжи произошло серьёзное смещение в направлении *усиления прагматических мотивов и инструментальных ценностей*. Это подтверждает факт минимизации этики убеждения, предполагающей акцент на терминальных ценностях. Однако означает ли подобная трансформация усиление этики ответственности?

По оценкам Н. Зоркой, молодые люди предпочитают работу, приносящую высокий доход, но не связанную с высокой ответственностью (банковского клерка, офисного служащего и т. п.) [Зоркая, 2008: 19]. Как показывают социологические исследования, образование и профессионализм имеют в глазах молодёжи (как и других социальных и возрастных групп) преимущественно

инструментальную ценность [Зубок, 2003: 37-38; Готово ли российское общество..., 2010: 57-58]. В процессе образования будущая профессия не представляет самостоятельного интереса и ценности для учащихся, они, при акцентировании ценности «самореализации», не связывают её с избранной профессиональной сферой. Только 39% школьников и половина студентов собираются в будущем работать по специальности, среди молодёжи, совмещающей обучение с работой, лишь 32% работают по специальности. Стремление получить образование связано не столько с желанием приобрести знания и умения, способствующие развитию личности, самореализации в интересной профессии, сколько с ценностью «квалификационного ресурса», позволяющего занять высокодоходные экономические ниши [Зоркая, 2008: 15, 19].

Сам процесс образования, получение знаний, развитие интеллекта, аналитических способностей, эрудиции представляет для молодых людей меньше интереса, чем его результат, то есть получение диплома. Отсюда и низкая заинтересованность в качестве самого образовательного процесса и рост прагматизма в отношении получаемых знаний, попытки их разделения на «нужные» и «излишние». Замена терминальной ценности знания на инструментальные ценности получения диплома об образовании способствуют и трансформации его институтов. Содержательная сторона образовательного процесса подменяется его формализованными и количественными характеристиками: сколько курсов прослушано, в каком объёме и т. д. Акцент на формальные критерии успеваемости (академические рейтинги) и формы контроля (тесты), который делается в современной системе образования, нередко оттесняет на второй план ценность реальных знаний и умений учащихся. Ответственность за собственное будущее, которая связана с выбором профессии и приобретением культурного капитала, подменяется локальной ответственностью за сдачу конкретного экзамена, посещение занятий и т. д.

Кроме того, необходимо учитывать особенность современного информационного общества, состоящую в быстром устаревании знания, а также и в значительных колебаниях рынка труда. В этих условиях получаемое молодыми людьми образование должно быть направлено не столько на приобретение ограниченного объёма конкретных «полезных», «практически применимых» навыков и информации, сколько на обучение самому умению учиться, созданию компетентностной базы для дальнейшего повышения квалификации и её быстрой смены при возникновении такой необходимости. Для этого необходимо развивать не только систему непрерывного образования, но и вообще возможности для расширения кругозора, мы же в последние годы сталкиваемся с противоположной тенденцией в развитии концепции образования, которое всё больше ориентируется именно на «практически применимое знание». Пользуясь концепцией Э. Фромма,

можно сказать, что, вопреки потребностям общественного развития, происходит утверждение принципа «иметь» — диплом об образовании, в ущерб принципу «быть» — подлинным носителем и активным создателем знаний, квалификации, культуры. Ответственность за развитие собственной личности подменяется ответственностью за решение конкретных жизненных задач.

Показательно, что для современной России при провозглашённом курсе на инновационное развитие серьёзной проблемой является нежелание молодёжи заниматься научными исследованиями. В ФЦП «Молодёжь России» на 2011-2015 гг. отмечается, что «нарастание формальных показателей, отражающих интенсификацию работы по подготовке новых научных кадров (численность аспирантов во всех отраслях науки в период с 1995 по 2006 гг. увеличилась с 62 317 человек до 146 111 человек), сопровождается сокращением числа исследователей (за этот же период число исследователей сократилось с 518,7 тыс. до 389 тыс. человек)» [Федеральная целевая программа...].

Это свидетельствует не только о непопулярности профессии учёного и отсутствии интереса к науке, но также об использовании учёной степени в качестве символического капитала в сферах профессиональной деятельности, не связанных с наукой. Дело, на мой взгляд, состоит также и в том, что обучение в аспирантуре, особенно очной, существенно продлевает период «ученичества» в жизни молодого человека, позволяет отсрочить самостоятельную творческую деятельность, требующую серьёзной ответственности за её результаты. Продление сроков получения образования, ставшее тенденцией во многих странах, в том числе и в России, ведёт и к продлению периода, обусловленного «структурированной безответственностью». Преобладание инструментальных мотиваций и формального подхода в сфере образования приводит к утрате молодым поколением ответственного отношения к интеллектуальному труду и духовной работе. Однако люди, не способные критически вникать в получаемую информацию, оценивать надёжность её источников, достоверность фактов, корректность выводов, оказываются не способны не только к научной работе, но и вообще к самостоятельному осмыслению происходящего вокруг, в том числе исторической судьбы своей страны, её прошлого и будущих перспектив.

Дисфункциональные последствия интеллектуальной безответственности состоят в апатии и безразличии, в восприятии от старших поколений ориентации на *пассивную адаптацию* к суще-

ствующему порядку вещей, в нежелании и неумении осуществить интеллектуальную и нравственную работу по самостоятельному критическому осмыслению проблем развития страны. Среди молодёжи всё меньше интереса к прошлому, а также всё меньше предпринимается усилий, направленных на усвоение новых для российского общества идей и ценностей.

Закономерным последствием интеллектуальной безответственности становится и появление ложно понятых представлений о своём долге перед Родиной. Но нередко именно желание что-то делать для своей страны, своего народа при отсутствии конструктивных целей и представления о реальной ответственности перед ними у молодых людей выражается в желании «бороться с врагами». Исследования показывают, что в современной России молодёжь больше, чем представители других возрастных групп, разделяет представления об «исключительности» собственного народа, а также об обидах и потерях, которые пришлось претерпеть их народу в годы советской истории и после распада СССР [Двадцать лет реформ..., 2011: 207-208]. Среди молодёжи также выше, чем у старшего и среднего поколения, поддержка силовых методов решения межэтнических конфликтов, хотя 85% молодых людей и декларирует неприемлемость применения насилия в межнациональных спорах [Двадцать лет реформ..., 2011: 212, 214].

Новым фактором, подрывающим развитие этики ответственности в молодёжной среде, стало распространение Интернета. На первый взгляд это кажется парадоксальным, поскольку во Всемирной сети складывается виртуальное пространство для публичного дискурса и самовыражения, в Интернет-сообществах разного типа люди объединяются исключительно на основе общности убеждений, взглядов, вкусов, здесь отсутствуют внешние формальные критерии, препятствующие объединению или, наоборот, принуждающие к нему помимо воли человека. Таким образом, каждый участник сообщества, форума и т. п. сам принимает решения и несёт за них ответственность. Однако у свободы в Интернете есть и обратная сторона, с которой и связано ослабление нравственного контроля и этики ответственности пользователей, среди которых преобладает молодёжь. Специфика Интернет-сообществ по сравнению с реальными социальными сообществами состоит в их *парадоксальной открытости*: с одной стороны, лёгкость входа и выхода снимает необходимость поддерживать общие нормы, принципы солидарности, доверия, взаимной терпимости, которые необходимы в реальных сообществах. Следовательно, молодёжь не развивает навыки самоконтроля в социальных взаимодействиях и ответственность за нарушение принципов совместной деятельности. С другой стороны, поскольку поисковые системы во всемирной Сети устроены по принципу фильтра, помогающего сразу найти то, что интересует пользователя и максимально исключить лишнее, Интернет способствует замыканию в кругу единомышленников, «своих», которые жёстко противопоставляются

всем, думающим иначе [Галстон, 2006: 91]. Поэтому в Интернет-сообществах нередко развиваются нетерпимость и экстремизм, одной из самых обсуждаемых тем стала грубость и некорректность в Сети. В обществе вызывает тревогу молодёжная мода на размещение и просмотр в Интернете видеозаписей сцен насилия, которое нередко целенаправленно совершается именно ради «известности» в Сети. Именно в Интернете получают возможность существовать и действовать ресурсы экстремистского содержания, провоцирующие безответственную агрессию среди молодёжи, как это было в Москве в 2010 г. При этом происходит, по выражению социолога Е. Л. Омельченко, *детерриторизация молодёжного пространства*: молодёжь, «живущая» в Интернете, виртуально расширяет пространство общения, но реально всё больше замыкается в физическом пространстве дома, не неся реальной ответственности ни за одно из них [Омельченко, 2009: 173].

При огромном расширении доступа к разнообразной информации, Интернет провоцирует интеллектуальную безответственность доверчивых пользователей, в особенности молодёжи. Специфика информационного пространства Интернета состоит в его нелинейности и мозаичности, разнообразная информация, которую можно найти там, не выстроена иерархически и логически. Она даёт пользователям не целостную картину мира, включающую как объективные знания, так и их обоснованные оценки, позволяющие ориентироваться в мире, а фрагментарные факты и оценки, высказываемые вне единой рациональной и ценностно-нормативной системы. Доступность любой информации посредством Всемирной сети сопровождается неразборчивостью и утратой внимания к её источникам, достоверности, надёжности [Давыдов, 2012: 95]. Это позволяет использовать Интернет и его аудиторию, в массе своей состоящую из молодёжи, для распространения информации самого разного качества и направленности, в том числе социально опасного, экстремистского содержания, но при этом не давать ориентиров для её критического и ответственного осмысления.

Растущая сложность общества и сопровождающая этот процесс нравственная дезориентация и рост социальной безответственности представляют проблему для современной России. В классической работе «Бегство от свободы» Э. Фромм показал, что снятие жёстких нормативных ограничений, определяющих нравственные и социальные векторы социокультурного развития, нередко приводит не к его подъёму, а, напротив, к состоянию

растерянности и неопределённости [Фромм, 2004: 38, 80]. Рост цинизма, антиобщественных, деструктивных направлений в культурном развитии становятся реакцией на открытость и сложность социума, в том случае, если люди не в состоянии адаптироваться к ним через принятие этических стандартов ответственности. Более того, отсутствие этики ответственности порождает готовность восстановить в той или иной форме ограничения свободы, вернуть авторитарные методы управления, то есть переложить всю полноту ответственности за последствия своих действий на какую-то внешнюю силу. Представляется, что активное участие городской молодёжи в выступлениях оппозиции в последние годы не опровергает, а подтверждает наши выводы. Эти выступления носят, по преимуществу, протестный характер, однако пока не было сформулировано достаточно чёткой позитивной программы, свидетельствующей о готовности нести реальную ответственность за развитие страны. Настоятельной практической задачей является создание условий для развития этических стандартов ответственности, основанных на реальном вовлечении молодого поколения в активную социальную практику.

Литература

- Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. — 808 с.
- Бауман З. Текучая современность. М.; СПб.: Питер. 2008. — 240 с.
- Галстон У. Влияние Интернета на общественную жизнь: первая оценка // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс. 2006. — 160 с.
- Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 2004. — 120 с.
- Готово ли российское общество к модернизации? М.: Весь мир. 2010. — 344 с.
- Давыдов Ю. Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФ РАН. 2006.
- Давыдов И. Разрушители иерархий // «Эксперт». 2012. № 2.
- Даффлон Д. Молодёжь в России: портрет поколения на переломе // «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии». 2008. № 5 (97).
- Двадцать лет реформ глазами россиян. М.: Весь мир. 2011.— 328 с.
- Зарубина Н. Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // «Общественные науки и современность» (ОНС). 2004. № 1.

Зарубина Н. Н. Социальная ответственность бизнеса: риски и проблемы в обществах разных типов // Социальная ответственность бизнеса. Сборник статей. М.: МАКС Пресс. 2011.

Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могла усвоить и усвоила молодёжь // «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии». 2007. № 3 (89).

Зоркая Н. Современная молодёжь: к проблеме «дефектной социализации» // «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии». 2008. № 4 (96).

Зубок Ю. А. Проблемы риска в социологии молодёжи. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии. 2003. – 268с.

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил. 2009. – 224 с.

Кравченко С. А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали // Проблемы теоретической социологии. Вып. 8 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт. 2011. – 284 с.

Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: «МГИМО-Университет». 2012. – 306 с.

Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: «МГИМО-Университет». 2013. – 914 с.

Омельченко Е. Л. Начало молодёжной эры или смерть молодёжной культуры? // Журнал исследований социальной политики. 2009. Том 4. № 2.

Темницкий А. Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодёжных объединений (на примере участников образовательного форума «Селигер -2008») // «Социологические исследования» (СоцИс). 2009. № 9.

Федеральная целевая программа «Молодёжь России» на 2011-2015 гг. [Электронный ресурс] // Молодёжное парламентское движение России URL: <http://www.newparlament.ru/docs/view/1617> (Дата обращения 28.09.2013).

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Издательство «Изида». 2004. – 399 с.

Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford. 1993; Bauman Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford. 1995.